

НАТА ХАММЕР
ТГЖ «ЗОЛОТЫЕ КУПОЛА»

Ната Хаммер

**ТСЖ «Золотые купола»:
Московский комикс**

«WebKniga»

2012

Хаммер Н.

ТСЖ «Золотые купола»: Московский комикс / Н. Хаммер — «WebKniga», 2012

Известный на всю Москву жилой комплекс, где волею застройщика и московского правительства обитают власть предержащие и власть охраняющие, крупные дельцы и мелкие проходимцы, самородные таланты и их бесталанные поклонники, иностранные шпионы и патриотичные следопыты, живет весьма бурной жизнью. И если чего не хватало его обитателям для полноты ощущений, так это только потоп. Но вот волею высших природных сил, умноженной на вполне земную жадность и разгильдяйство, потоп случился, залил подвалы и окрестности и обнажив все острые углы человеческих взаимоотношений. Автор убедительно просит читателей не ассоциировать себя, своих соседей, друзей и недругов с кем-либо из многочисленных персонажей повести. На классический вопрос: «Над кем смеетесь?» автор твердо отвечает: «Только не над вами!».

© Хаммер Н., 2012

© WebKniga, 2012

Содержание

Слова благодарности	5
Слово об авторе	6
Главные герои (в порядке их упоминания)	7
13 апреля, 2 час. 15 мин. Стасик Меченый	8
13 апреля, 2 час. 30 мин. Алка Алчная	13
13 апреля, 6 час. 30 мин. Наказатель Потапыч	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ната Хаммер

ТСЖ «Золотые купола»:

Московский комикс

Всем членам всех ТСЖ посвящается

Слова благодарности

Все герои комикса порождены бурной фантазией автора. Любые совпадения и ассоциации случайны.

Благодарю страну, город и дом, в котором я живу, за предоставление благодатной почвы для моей богатой фантазии.

Благодарю мою многочисленную и многонациональную семью за то, что она у меня есть.

Благодарю моих друзей всех национальностей и вероисповеданий за теплоту и искренность общения.

Особая благодарность моему мужу за регулярное подталкивание меня к пропасти новых свершений и невмешательство в процесс творческого экстаза.

Вечная память преподавателям Самарского государственного университета: Анатолию Ивановичу Петрушкину (зарубежная литература) и Софье Залмоновне Агранович (русский фольклор), послужившим для меня образцами иронического отношения к проживаемой действительности.

Слово об авторе

В результате трагического выбора матери – между родами в городе или в деревне – родилась в деревне и на третий день вследствие грубой врачебной ошибки осиротела. Первые десять лет своей жизни провела в сельской местности, где телевизор был не в каждом доме, а там, где был, показывал плохо. Русский фольклор черпала из первоисточника, коим был дедов дом, в котором собирались на регулярные посиделки многочисленные пенсионеры обоих полов. Это были времена, когда детей не боялись отпускать на улицу и замки на двери без особой надобности не вешали. Неограниченная свобода передвижения в границах пешей досягаемости была главным завоеванием развитого социализма, на период которого пришлось босоное детство будущего автора.

Смычка между городом и деревней случилась на одиннадцатом году авторской жизни и прошла далеко не безболезненно. Однако худо-бедно удалось осилить курс средней школы «с преподаванием ряда предметов на английском языке» в закрытом тогда для любых иностранцев городе Среднего Поволжья. Не чувствуя в себе позывов к точным наукам, автор выбирала между русской и английской филологией в качестве предмета дальнейшего изучения и все-таки остановилась на английской. Закончив местный университет, была по великому благу устроена на работу в школу – не в отдаленном колхозе, как грозило распределение, а в самом центре большого города. И не простым учителем, а заместителем директора по воспитательной работе. В первый раз обойдя трущобные дома многочисленных подопечных, состоявших на учете в детской комнате милиции, она вытряхнула на улице плащ, чтобы не унести с собой клопов и тараканов, и, войдя в свою благоустроенную квартиру, заявила приемной матери: «Мама, похоже, наша отдельно взятая семья живет уже при коммунизме».

Как автор попала в столицу нашей Родины город-герой Москву, история скромно умалчивает. Но безо всякого блата; видимо, по велению судьбы. Судьбы, которая помотала ее в течение последующих десяти лет по евразийскому континенту, вынудив изучить в разной степени пару западных и пару восточных языков, но в конце концов осадилась таки в первопрестольной. Здесь автор с энтузиазмом вступила на общественное поприще в качестве наемной служащей, с внутренней задачей привлечь внимание строго западно-ориентированной новой российской элиты к подступающему с тыла восточному дракону. На этом поприще она потеряла остатки девичьего идеализма и врожденного максимализма. Автору понадобилась целая пятилетка, чтобы понять кукольность российских общественных объединений и бесперспективность своего пребывания в этой нежизнеспособной среде.

Бесповоротно завязав с работой по найму, автор углубилась в личное домоустройство. Свив несколько гнезд, построив дом, вырастив сад до состояния плодоношения и подрастив троих детей до состояния относительной самостоятельности, автор уже мечтала овладеть средиземноморским искусством неспешного бытия, но вдруг обострился писательский зуд. Этот тяжелый недуг преследовал автора с давних пор. Долгое время она успешно паразитировала на переводах чужих текстов и школьных сочинениях на темы, заданные детям. И вдруг жизнь натолкнула ее на такой благодатный для живописания материал, пройти мимо которого не поднялась нога, а разучившаяся держать перо рука судорожно потянулась к клавиатуре. И понеслось... За одним сюжетом возник второй, за вторым третий... Результаты этого поносительства автор представляет теперь на ваш суд. Судите, да не судимы будете!

Главные герои (в порядке их упоминания)

Подлипецкий Стас (в девичестве *Плешивцев*) – герой своего времени
Аполлонский Семен Аркадьевич – крупный девелопер со сползающей крышей
Пановская Хелена Сигизмундовна – бессменный председатель Московской конфедерации рогов и копыт
Пакостинен Алла Борисовна – правозащитница личной выгоды
Сачков Николай Ильич – верный муж и соратник Пакостинен, прирожденный хитрован
Лиммер Михаил Григорьевич – брянский партизан
Лиммер Григорий Маркович – отец брянского партизана, знаток экономических теорий
Лиммер Надежда Федоровна – мать брянского партизана, бухгалтер-любитель
Воеводин Михаил Потапович – генерал-разоблачитель
Воротилкин Платон Андреевич – второй человек в городе
Голубь Иван – истинный альфист
Эсмеральда – ручная коза Ивана Голубя
Иванько Борис Игоревич – несправедливоросс
Пелагея – ведунья, экстрасенс
Козюлькиев Геймураз Ненашевич – туркменский шпион-патриот
Сало Любовь Мухаммедовна – общественный информатор
Сурай – пророчица
Бухтияров Тимофей Янусович – звезда телевеличины
Путяну Владимир Владимирович – почетный полотер
Казбеков Шахмар Султанович – главспец
Загребчук Леонид Сергеевич – бывший мент
Кислицкий Вольдемар Вольдемарович – потомственный певец
Лор Аркадий Исаакович – мастер на все руки
Де Голь Дарья (по паспорту *Гольцова Дарья Сергеевна*) – ваятельница женской преле-
сти
Сволочников Геннадий – услужливый недоумок
Клара Канальи – та еще штучка
Павел Пустоглядов по кличке *Бармаглот* – силовик
Василий Васильевич Васькин – прораб со знанием китайского языка
Александр Александрович Газидзе – факелonosец
Нина Вольфовна Кох, супруга
Газидзе – нестибаемый борец с паразитами.

13 апреля, 2 час. 15 мин. Стасик Меченый

Стасик въехал в паркинг и лихо погнал «крузер» по винтовому спуску на минус второй. Моделька, сидящая сбоку, запищала, изображая ужас и восхищение одновременно. «Господи, какие же они все одинаковые», – мельком подумал Стасик. Машину остановил прямо у выхода в подъезд, носом к двери. Представил, сколько времени Моделька будет шагать на высоченных копытцах от парковочного места, и сжался над собой. На баллоны давило уже не первый день. Жена на сносях загорала в Майами, готовясь произвести ему наследника. Наконец-то наследника. Стасику стукнуло сорок, он уже был дважды разведен, но сына пока не случилось. И некому было гордо передать красивую фамилию Подлипецкий, родоначальником которой он, Стасик, являлся.

До восемнадцати лет фамилию Стас носил другую – Плешивцев. С раннего детства качал мускулатуру и оттачивал язык, чтобы давать отпор в саду и школе вредным сверстникам, пытавшимся его дразнить его же фамилией. Заявление о желании сменить фамилию написал загодя – чтобы в армию уйти уже Подлипецким. Скульптурно сложенный и бойкий, он был замечен комиссией и служить угодил в Кремлевский полк. Из Москвы в родной Новолипецк уже не вернулся. Провел жирную черту между прошлым и будущим, за которой оставил отца-металлурга, чей мозг не выдержал температуры доменной печи и огня перестройки, и мать, удачно вышедшую вторым браком за директора местного спиртзавода. Новому окружению представлялся сиротой, что не мешало регулярно получать денежные переводы «до востребования» от матушки на московском Главпочтамте. Документы подал в строительный, но сопромат вкупе с беспокойным фарцовочным промыслом встали железобетонным барьером на пути к заветному диплому. Впрочем, никакому не заветному. На... никому он не был нужен в веселые девяностые. Тогда и за Кремлевскую стену можно было перекинуться без того, были бы акробатические способности да улыбка чеширского кота. Улыбка у Стаса была очаровательная. Зубы белые, как у звезд, только натуральные. Все портило красное пятно на правом виске. Так что к фотографиям Подлипецкий всегда поворачивался левым боком.

Моделька выпорхнула из джипа, лихо приземлившись своими цокалками. Они прошли к лифту. Лифт задумчиво перебирался с этажа на этаж, останавливаясь на каждом. Черт побери, попали на ночной вывоз мусора! Стас застонал. Представил, как перед ними распахнутся двери лифта, набитого вонючими мешками. Решительно схватил Модельку за узкое запястье и повел к лестнице, мимо оскалившегося ряда черных «мерсов» и «бумеров». Из динамиков сочилась убаюкивающая мелодия «Релакс-радио». Девушка вдруг заверещала как укушенная, показывая наманикюренным пальчиком в глубь мотоциклетного ряда телетусовщика Тима Бухту, в отрочестве Тимофея Бухтиярова. На мощном «харлее» верхом сидела упитанная крыса, впившись зубами в обивку сиденья. Стасик представил щупленького коротконогого Тимона на месте крысы и расхохотался. Ему полегчало в физиологическом смысле. Однако, черт возьми, развели тут гадюшник. Заселили по укромным подвальным закуткам службу из нелегалов. Скоро тараканы через вентиляцию полезут. Продавать надо хату срочно. Пока амбьянс не запаршивел окончательно.

Положа руку на сердце, гадюшник развели не без его попустительства. Когда председатель товарищества Боря Иванько выбрал затридорого клининговую компанию, он, Стасик, член правления ТСЖ, поднял одобряющую руку. Живи и дай жить другим. Иванько потом поменял свой старый «мерс» на новую модель, клининговая компания наняла по дешевке нелегалов и рассовала их с разрешения Иванько по углам, где их непросто было бы сыскать ментам и санитарной инспекции. Написано на двери: «Насосная», и гул агрегатов слышен. А что внутри насосной есть еще отсек и что там могут обитать люди – тут надо острый нюх

иметь. Особенно если этот нюх предварительно ублажен коньячком и конвертом в карман, на всякий случай.

Успокоив девушку: «Ты что, крыс не видала в своем Урюпинске?», Стас открыл дверь на лестницу и, вздохнув, стал подниматься. Моделька ковыляла за ним. Преодолев четыре марша ступенек, они вышли в холл. Охранник при звуке шагов с трудом отлепил голову от стола и попытался сфокусироваться. «Свои, – процедил Стасик, – приятных снов». – «Да не... – промямлил охранник, – я только...» Подлипецкий его уже не слышал.

Пассажирский лифт стоял на пятнадцатом этаже. «Везет мне сегодня», – подумал Стасик, нажимая на кнопку. Лифт спускался неспешно, с достоинством. Входная стеклянная дверь подъезда открылась, и в холл вошла Алла Пакостинен, известная правозащитница личной выгоды в рамках ареала своего проживания, жилого комплекса «Золотые Купола». «Кому не спится в ночь глухую, – пропел про себя Стасик и про себя же чертыхнулся. – Как же некстати». Их пути уже пересекались на тропе войны. Пару лет назад Стасик по заданию свыше приложил свои пиаровские силы на сметение Алчной Алки с поста председателя правления ТСЖ.

– Здравствуйте, Станислав, – нехорошо улыбнулась Алла. – Что супруга, не родила еще?

– Отчего же вам не спится, Алла? – не отвечая на вопрос, поинтересовался Подлипецкий. – Не дочь ли свою разыскиваете по постелям окрестных джигитов?

– Хам! – выдохнула Алла.

Стасик услужливо ткнул кнопку уже стоявшего здесь после выгрузки мусора грузового лифта, рыцарским жестом впустил разъяренную Алку в этот ароматный мир и помахал рукой.

– Высокие у вас тут отношения, – позволила себе высказаться Моделька, когда грузовый лифт с пунцовой от злости Аллой закрыл свои двери.

– Алла хер, ком алла хер, – переключил Стасик известное выражение.

– Чей хер? – не поняла Моделька.

– Чей угодно, – лаконично ответил Стасик, чтобы не загружать птичий мозг Модельки лингвистическими экскурсами. Но эта пакостная Алка успела-таки опустить его приподнятое настроение. Секса больше не хотелось. – Знаешь что, – сказал он вспотевшей на покорежении лестницы Модельке. – Прими душ и ложись спать. У меня тут дело образовалось.

Та захлопала нарощенными ресницами.

– Какое дело в три часа ночи?

– Такое дело, что не твоего ума дело, – неудачно скаламбурил Стасик. – Блин, теряю хохмаческую квалификацию.

– А как же с рекомендацией фотографу? Ты же сказал, ее нужно заслужить.

– С утра обслужишь и заслужишь, – обнадежил Стасик.

– Ладно, где ванная?

Стасик ткнул пальцем.

– Шикаренько, – пропела Моделька, ступая на мраморный, но теплый пол залитого мягким светом гостевого санузла, включила воду и замурлыкала: – Девушке из высшего общества трудно избежать одиночества...

Стасик ухмыльнулся и открыл ноутбук. Не признаваться же этой фитюльке, что общение с Аллой отбивает всякую похоть, и не только у него. Молодой резвый жеребец кавказских кровей Шамиль, на которого положила глаз Алкина дочка Вера, с хохотом сообщил ему как-то в хамме, что, когда смотрит на дочку, у него встает, а когда на маму – падает.

Подлипецкий углубился в контракт на размещение рекламы на строящихся зданиях корпорации «Ремикс». Заморочка теперь с этими зданиями. После хамских посланий Сени

Аполлонского новому мэру заказчики ринулись срывать рекламу с объектов «Ремикса» чуть ли не своими руками. Ну и рвите, хоть в клочья. Контракт поведения застройщика не оговаривает. А теперь они хотят, чтобы оговаривал. Ну уж нет – поведение Аполлонского непредсказуемо, как стихия. Никто же не берется предотвратить землетрясение. А Сеню даже экстрасенсы по большой траектории обходят, бес в нем, говорят, бес.

Стасик застучал по клавишам. Моделька тихо посапывала. За окном светало. Впрочем, в Стасикином кабинете света хватало и днем, и ночью. Мощные прожекторы от круглосуточной стройки по соседству обеспечивали Стасику круглогодичный полярный день на среднерусской возвышенности. «Чертов палец», как прозвали высокую закорючку обитатели «Золотых куполов», рос как на дрожжах и уже закрывал и утреннее солнце, и шпили сталинских высоток – вид, за который Стасик приплатил пачку грин при покупке. Даже буйной фантазии Стаса не хватило тогда, чтобы вообразить, что на загаженном соседним гаражным кооперативом клочке-пятачке у крутого склона, из-под которого вытекала из трубы безымянная речка-вонючка, можно впаять такого монстра. А вот у вельможной пани Пановской хватило. «Вот поэтому она на думской сцене солирует, а ты, Стасик, зришь на ее творение из оркестровой ямы», – уязвил самого себя Подлипецкий.

Сволочь все-таки этот Иванько. «Мы – команда, мы – команда», а про застройку тихо молчал до последнего. Чтоб баблом не делиться. Документы подписал, что ТСЖ не возражает, получил на лапу и свалил с поста. Ну, положим, не сам свалил, его свалили. Рухнул под напором кавказского триумвирата. Южная диаспора отдельно взятого жилого комплекса объединилась в братском негодовании и свергла хохлятских засланцев Аполлонского.

Ну и, как водится в истории многострадальной родины, больше всех досталось евреям. Чувствуя, что запахло жареным, Иванько поручил своему заму, юному Мише Лиммеру, вынести из чрева ТСЖ всю компрометирующую документацию и печать. Под покровом ночи Миша явился выполнять партизанскую миссию, за которой его застиг кавказский часовой Газидзе. На Мишино счастье, у часового оказался поврежденным коленный сустав. Но на несчастье часовой вооружен был костылем, которым и отходил удирающего Мишу по затылку. Миша спасся бегством, но был снят на камеру охраны, улепетывающий с тяжелыми папками в обеих руках. С дрожащими ногами и взбугрившейся головой Миша предстал перед мамашей. Ведь на подвиг Миша решился ради нее, выполнявшей в течение двух лет тяжкие обязанности бухгалтера по прикрытию разворовываемой собственности в этом чертовом ТСЖ. Мама Надежда Федоровна приняла из Мишиных рук опасный груз, посадила его в машину и всю ночь гнала авто в направлении брянских лесов, где и по сию пору партизанила на личных делянках Мишина бабушка, православная крестьянка Акулина Тихоновна. Мишу объявили в розыск, а его папеньке, крупному ученому в области мелкой российской экономики, неизвестный продырявил все четыре колеса запаркованого под окнами «фольксвагена».

В животе заурчало. Хотелось есть, а может и выпить. В холодильник можно было и не заглядывать – стерильная полярная пустыня. Стасик вздохнул и отправился вниз – в круглосуточное «сельпо» Гагика Пустоняна, названное так за характерный для подобных магазинчиков бедный ассортимент, непрезентабельный вид и специфический запах. За кассой сидел сам Гагик – владелец роскошного пентхауса – и раскладывал электронный пасьянс. Никто не понимал, что он имеет с этого магазинчика, кроме оправдания бессонницы, но все призывы соседей расширить ассортимент Гагик молча саботировал. Пройдясь взглядам по полупустым полкам, Стасик взял пива, банку шпрот и половинку «Бородинского», расплатился и вышел.

В свете утренней зари генерал-майор в отставке Михал Потапыч Воеводин со своим Полканом уже обходил дозором периметр пустующего торгово-развлекательного комплекса с игровым названием «Купол'ок». Михал Потапыч в отличие от некоторых крупных слуг

народа, квартиры которым в «Золотых куполах» выделило щедрое российское государство, свои двести метров приобрел за твердую валюту – некоторые коммерческие предприятия хорошо платят своим советникам, и за пять лет ценных советов Михал Потапыч накопил достаточную сумму. Чин генерал получил в свое время за неустанный надзор над заключенными. По долгу прежней службы генерал знал всех воров в законе, ныне здравствующих и почивших в бозе. И оказывал в частном порядке услуги по связям с криминальной общественностью, если кому-то нужно было отрегулировать вопросы с крышей или наездом.

Полкан присел на свежесосеянный газон и разродился солидной плюхой. «Что, Михал Потапыч, нивы удобряем?» – гаркнул в спину Воеводину Стасик. «Это дерьмо, дорогой мой, безобидное, – парировал генерал. – Ваш словесный понос сильнее пованивает».

Воеводин возложил на себя тяжкую миссию разоблачителя в этой разлагающейся коммуне. «Ворюга ты, ворюга», – припечатывал он каждого последующего председателя ТСЖ. «Но мы выведем тебя на чистую воду, будешь парашу нюхать», – щедро раздавал генерал обещания. Возражать ему председатели опасались.

Стасик вернулся в квартиру, подзакусил и почувствовал сонливость. Не раздеваясь, заполз на кровать, привалился к ребристому боку Модельки и моментально заснул. Ему снились крысы, много крыс. Они маршировали по паркингу в противогазах. А за ними широкой рекой текли шпроты, шпроты, шпроты.

13 апреля, 2 час. 30 мин. Алка Алчная

В ярости Алла влетела в лифт и нажала на кнопку третьего этажа. «Ну, Подлипецкий, остряк-самоучка! Дождешься! Членом сюда, членом туда – и здравствуйте, мистер триппер! Да что там триппер – СПИД поймаешь!» В сердцах она громко хлопнула входной дверью. Из спальни донесся сонный голос мужа:

– Алла, где тебя носит?

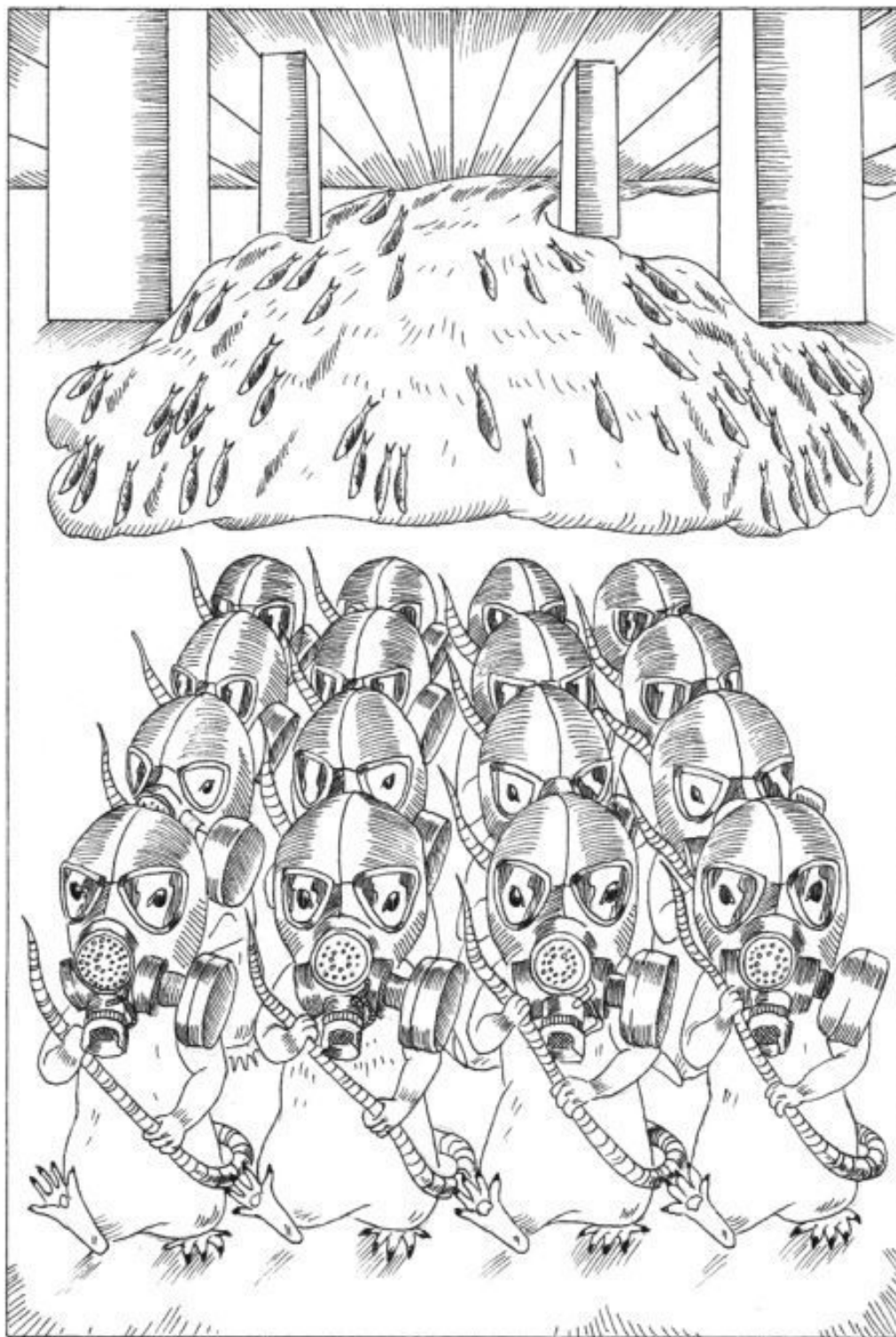
– Это дочь твою носит, Сачков! А ты дрыхнешь как сурок!

– А ты предлагаешь мне со свечкой стоять? – На пороге спальни появился зевающий Коля, на ходу цепляющий на нос очки. Всполохи электросварки со стройки за окном отсвечивали на его лысине и в стеклах очков зловещим синеватым светом. – Сама не спишь и другим не даешь!

– Ас кем мне спать, Коля? С тобой?

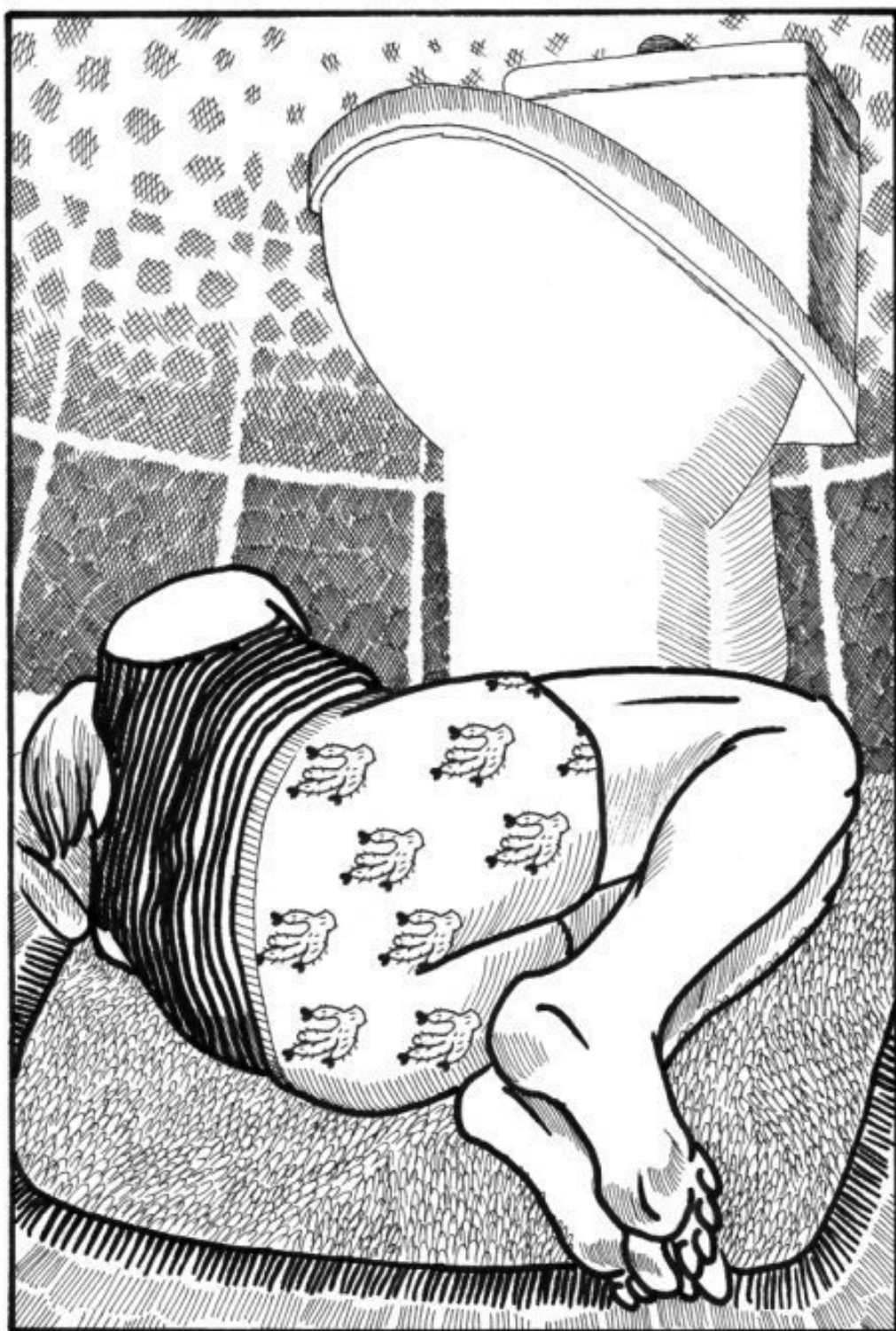
– Начинается! – Коля скрылся в ванной и щелкнул задвижкой.

Алла заметалась по спальне, как разъяренная тигрица. Взял моду – закрывается от нее в сортире и укладывается на мохнатом коврик, положив под голову толстое банное полотенце. Говорит, что тепло, мягко и безопасно. Говорит, что лучше ночевать рядом с толчком, чем с ее ядовитым жалом. Выпив пару таблеток ново-пассита, Алла залезла под одеяло и попробовала заснуть. Не спалось. Надо было на ком-нибудь разрядиться, но разрядиться было не на ком. Впрочем, был один способ – написать заявление в суд. Алла поднялась, натянула халат и села за компьютер.

Никулинский суд Москвы был полон заявлениями госпожи Пакостинен. В основном – по защите чести и достоинства, на которые, согласно истице, покушался кто ни попадя. Секретарь суда, завидя Аллу, покрывалась красными пятнами и дышать начинала с перебо-ями. У нее на Аллу была жесточайшая аллергия. Порой даже приходилось вызывать «ско-рую помощь». Но Алла была неумолима: она посещала суд с маниакальной регулярностью.

Впрочем, однажды Алла выступала в суде в несвойственной ей роли защитника чужих интересов. Ну как бы... Это было во времена Аллиного председательства в «Золотых куполах». Все придумал Николя. Не от хорошей жизни – Аполлонский вытурил его с работы в «Ремиксе» без выходного пособия. По собственному, как бы, желанию. Сачков, конечно, тогда зарвался. Сложил в карман весь доход от аренды открытой парковки. С другой стороны, этой парковки в смете вообще не существовало. Но Аполлонский недооценил Сачкова, недооценил. А Коля, строивший «Золотые купола» с уровня котлована, знал про них слишком много. Например, про «Купол'ок». Пять тысяч квадратов офисноторговых помещений были построены на крыше подземного паркинга без разрешительной документации. И свидетельство о собственности «Ремикс» потом получил незаконно, в обмен на квартиры разрешившим чиновникам.

И вот дождавшись, когда дочке Вере исполнится восемнадцать, прямо на следующий день Коля повел ее в суд вместе с иском к «Ремиксу»: ущемляет, мол, застройщик, мои девичьи интересы, эти метры должны принадлежать нашему товариществу, на наши денежки строены и на нашем пятне застройки. А копию заявления факсом Аполлонскому, для информации. Знай, мол, Сачкова. Аполлонский всегда реагировал быстро. Позвонил лично: «Что хочешь?» Коля озвучил. Алла тут же отписала в суд на бланке товарищества, что, мол, законно владеет «Ремикс» всеми спорными квадратами, что ТСЖ на них никаких видов и

прав не имеет. Заблуждается, мол, истица в силу юного возраста. А что истица дочерью ей приходится, судье невдомек. Фамилии-то у них разные.

Озвученной Аполлонскому суммы хватило на домик в Испании, на остаток купили Верке первое авто. Ну и еще откусила Алла у Аполлонского помещение для дирекции товарищества, подвальное, правда, но просторное. Две трети сдавала в аренду, а деньги, понятно, – Сачково пособие по безработице.

Но Аполлонский проигрывать не любит. Натравил на нее свору зависимых от него по бизнесу обитателей «Куполов». Стасик Подлипецкий особенно постарался – он снимал жирные сливки с размещения рекламы на объектах «Ремикса». А наши люди любят разоблачения, агу ее, агу! Старик Воеводин подключился из спортивного интереса, его медом не корми – дай врага народа разоблачить. Свергли Аллу, сели на царство и давай общественную казну растаскивать – кто во что горазд. Праведники, мать их!

На экране компьютера высветилось недописанное Аллой доверительное письмо на имя начальника управления по борьбе с наркоманией по городу Москве. От имени бдительной жительницы деревни Усово Василисы Иосифовны Тараторкиной Алла сообщала начальнику по борьбе, что мать его заместителя Петра Газидзе выращивает на своей подмосковной даче коноплю и снабжает ей всех таджикских гастарбайтеров по месту проживания. У Газидзе не было подмосковной дачи, но кого бы это волновало. Госпожа Пакостинен была хорошо знакома с правилами черного пиара: главное – вбросить говнеца, запах обязательно останется. Достали ее старшие Газидзе – третий год пытаются дознаться, куда Алла затолкала всю документацию по земельным разборкам ТСЖ с «Ремиксом». Куда, куда – куда надо, в личный сейф. Не Иванько же все это было оставлять, чтобы тот все в унитаз спустил. Сыщики-любители. Теперь пусть вас допросят – где марихуану храните и кому толкаете.

Текст получился очень убедительным, осталось только переписать его от руки старческим почерком. Заявление в суд подождет. Алла выдернула двойной лист из Веркиных конспектов по социологии и углубилась в работу. Закончив, достала конверт с надписью: «1 Мая – день солидарности трудящихся» и стала сворачивать письмо. Перегнув страницы, с досадой обнаружила на обратной стороне поперек листа надпись Вериним круглым почерком: «Гена, ты козел!» Вся работа насмарку. Алла вышла на балкон и нервно закурила. Уже рассветло. Увидев внизу Подлипецкого с пакетом и Воеводина с Полканом, набрала полный рот слюны и плюнула. Промахнулась – плевок попал на сложносочиненную вывеску салона красоты «Сирано де Бержерак» – но Алле как-то полегчало. Докурила, швырнула вниз бычок и пошла на кухню выпить чаю. Включив чайник, она подошла к холодильнику, достала кусочек сырой куриной печени и направилась к покрытой розовой пелеринкой клетке, стоявшей на окне. Там жила ее любимица белая крыса Лариска – подарок Коли к ее, Аллиному, сорокалетию. Стянув свободной рукой пелеринку, Алла замерла. Дверь клетки была открыта и только неубранный крысиный помет свидетельствовал о том, что еще вчера вечером Лариска там опорожнялась.

– Сачков, Сачков! – затарабанила Алла в дверь ванной. – Проснись, у нас беда – Лариска пропала!

13 апреля, 6 час. 30 мин. Наказатель Потапыч

Полкан опростался и с облегчением потрусил по направлению к речке – гонять уток. Грузный Михал Потапыч неспешно следовал за ним. У заднего входа в ресторан «Голубой Севан» его хозяин Додик Куманян следил за выгрузкой бараньих туш. Издали завидев генерала, Додик гостеприимно разгладил свои буденовские усы и закричал: «Патапыч, дорогой! Захадзи ка мьне, кофе выпьем». Потапыч против кофе ничего не имел и против Додика тоже. Проследив взглядом за атакующим уток Полканом, генерал последовал за Додиком, ловко лавирующим между ящиков и коробок по направлению к помпезному залу, где потолки сусального золота торжественно стекали на бордовые бархатные портьеры, а огромные хрустальные шандельеры сверкали даже в темноте. Зал еще не убрали после вчерашней свадьбы, стены украшали гирлянды подспустившихся шариков, уложенные в неизменное «Горько!»

Генерал был тут завсегдаем. Додик денег с него не брал, да генерал и не предлагал. Понимал, что так вот, поглощая харчо и шашлык, обеспечивает Додику защиту от вымогательств его земляков – криминальных авторитетов. Будь на то Додикина воля – он бы генералу и спальню тут оборудовал, и Полкану будку из красного дерева изобразил бы. Но генерал предпочитал спать со своей Марьиванной на добытой когда-то в спецраспределителе финской кровати из карельской березы. Полкан же довольствовался ковриком из старой генеральской шинели в прихожей под вешалкой из оленьих рогов. Эту вешалку, так же как и спальный гарнитур, любовно перевезли с прежнего места обитания на 2-й Фрунзенской.

Добытый Додиком из глубин ресторана сонный бармен принялся варить кофе, а Додик самолично расчистил стол у окна, усадил дорогого гостя и принялся вливать ему в уши свои горести. Генерал слушал его вполуха. Горести Додика были хорошо ему известны. Более всего его печалили непомерные цены на Дорогомиловском рынке и наезды санитарной и пожарной инспекций, паразитирующих на его трудовом теле кормильца и поильца всего жилого комплекса. И не мог бы генерал поговорить с кем надо, чтобы отстали уже эти кровососы. Воеводин кивал и соглашался, думая, впрочем, о своем.

У Потапыча были заботы поважнее. Вчера ему позвонил сам Платон Воротилкин.

– Михаил Потапович, уважаемый, не отвлекаю?

– Что вы, Платон Андреевич, от чего вы можете отвлечь старика-пенсионера?

– Не скромничайте, Михаил Потапович, не скромничайте. Просьбица к вам есть деликатного свойства. Не могли бы мы с вами встретиться, так, по-соседски?

– Куда прикажете явиться?

Воротилкин на том конце провода замялся.

– Если я попрошу вас спуститься в мой персональный гаражик на минус первом этаже сегодня часиков в девять вечера?

– Без вопросов, уважаемый Платон Андреевич.

– Ну вот и славненько.

Без пяти девять генерал был уже на месте – у входа в персональный отсек паркинга, который занимал заместитель городского главы. Воротилкина не было. Джип сопровождения стоял посреди отсека, охранники, распахнув двери, резались в карты с водителем. Завидев Потапыча, быстро подобрались и выпрыгнули из машины, застегивая на ходу пиджаки и поправляя заушные рации.

– Вы куда? – преградили дорогу Потапычу.

– Платон Андреич стрелку мне тут назначил.

– Проходите к его машине, располагайтесь на правом заднем сиденье.

Потапыч втиснулся на кожаное сиденье представительского «мерса». Сиденье было немаленькое, но генерал все же был больше. Он заерзал, устраиваясь поудобнее. Воротилкин появился вместе с сигналами точного времени, которые издавали генеральские часы. Точность генерал уважал.

Водила при виде шефа завел двигатель, вышел из машины и услужливо открыл Воротилкину заднюю левую дверь. Платон Андреич впорхнул в авто, и дверь с легким магнитным чпоком закрылась за ним... Они беседовали под хрипящий из стереоколонок «мерса» голос Высоцкого. «В заповеднике, вот в каком – забыл – жил да был козел, роги длинные...» – повествовал певец-бунтарь о типичном пути российских козлов.

Поручкавшись с генералом, Воротилкин не стал разводить антимонии, в изложении своей мысли был ясен и краток.

– Я, собственно, как раз про наш заповедник. То есть не совсем теперь наш, бывший наш, а теперь городской, – начал заместитель городского главы.

...Между «Золотыми куполами» и помойкой гаражного кооператива «Ребус», там, где теперь возводили «Чертов палец», был крутой косогор, заросший сорным леском. В этом леске в годы перестройки совершенно оголодавшие работники посольств бывших соцстран, расположенных через дорогу, добывали экологически нечистые шампиньоны, умудрившиеся расти здесь среди прогнивших глушителей и лужиц отработанного масла. В те времена земли в Москве еще было навалом, помойки и пустоши в изобилии водились вокруг каждого промышленного и непромышленного предприятия, включая дипломатический квартал. Вот такую обширную пустошь в иссохшем на нет, но когда-то полноводном русле речки Старицы выделил Сене Аполлонскому под застройку старый градоначальник. «Смотри не утони, – предупредил со смехом. – Двое до тебя уже пробовали эту топь покорить, да увязли по самые уши». Впрочем, градоначальник уже слышал, что Балтийское море оказалось Сене по колено, а остальные моря ему абсолютно по... «Вижу цель, не вижу препятствий», – говорил Сеня и брал штурмом дворцы, банки, самолеты и женщин.

Получив бросовое неудобье, Сеня вытряс денег у московских скруджей, уложил в топь годовой выпуск свай крупного столичного ЖБК и за пять лет вырастил грибную семейку «Золотых куполов» на пятьсот квартир и полсотни офисов. Такого в Москве еще не было – «Купола» стали первым городом в городе, со своим банком, фитнесом и стоматологической клиникой, не говоря уж про рестораны и магазины. Сорный лесистый косогор, хоть и оказался за пятном застройки, был почищен, огорожен и заселен горными козлами, бухарскими осликами и среднерусскими кроликами.

С первым козлом, контрабандой привезенным из Армении с документами агнца на закланье, случился казус. Козел посмотрел на распаковавших ящик новоиспеченных служителей заповедника – вчерашних узбекских дехкан – мутным желтым глазом, сгруппировался и сиганул через изгородь. Напрасно искала его поднятая по тревоге отдыхавшая от смены охрана «Куполов» – козел бесследно сгинул в лабиринтах гаражного кооператива «Ребус». После этого случая изгородь была надстроена с учетом козлиной прыгучести – и вновь завезенные козлы уже плодились и размножались в рамках отведенной им территории.

Ослы же с самого начала оказались покладистыми, любили потереться о дорогие прикиды посетителей, пожевать оброненные перчатки и трубные звуки издавали только от крайнего возмущения. Парнокопытные плодились как кролики, несмотря на близость никогда не умолкающей трассы и любовь местного населения к ночным фейерверкам. Про кроликов и говорить нечего – служители заповедника не успевали сколачивать все новые и новые домики для ушастого потомства. И даже теперь, когда рядом день и ночь грохотала стройка, козлы и ослы благоденствовали как ни в чем не бывало, и даже предпринимали попытки межвидового спаривания.

Вовлечение в бизнес парнокопытных моментально сказалось на уровне продаж – квартиры в «Куполах» стали раскупаться, как брендовые шмотки на парижских распродажах, – только не за полцены, а за две цены от первоначальной. Это уж много позже, когда Аполлонского подкосил кризис, город вспомнил про незаконный захват земли и забрал облагороженный и унавоженный склон обратно в муниципальную собственность...

– Так вот, про заповедник, – продолжил Воротилкин. – Угрозу он представляет, уважаемый Михал Потапыч, с санитарной точки зрения. Про козлиное бешенство слышали? Нет еще? Слава богу, журналюги, значит, не успели раструбить. А мне вчера главный санитарный врач Щенков доложил: опасность, говорит, уважаемый Платон Андреевич, прямо у вас под носом. Смотрите, говорит, детей своих в заповедник ваш козлиный не пускайте.

Генерал похолодел. Внучка Машенька таскала его в заповедник каждый день – смотреть, как размножаются кролики.

– Так закрыть его к едрене фене и козлов всех ликвидировать!

– Так мы действовать, к сожалению, не можем! Про партию любителей козлов, надеюсь, слышали?

Генерал не слышал, но неосведомленность решил не показывать.

– Так вот, они же нас забрыкают! Скажут, что про бешенство специально придумали, чтобы партию их дискредитировать! А у нас в комплексе, скажу вам по секрету, есть их сторонники.

– И что же делать?

– Козлов нужно срочно вывезти за городскую черту, в спец-резервацию, на карантин. Ну и ослов на всякий случай тоже! Тихо, ночью. О чем я вас и хочу попросить.

Генерал опешил.

– Позвольте, Платон Андреич, я ведь даже не охотник...

– Да какая же тут охота, милейший Михаил Потапович, это же этапирование, так сказать, заключенных. Из колонии на спецпоселение. Ну и потом, я же не прошу вас принимать личное участие. Организуйте, так сказать, процесс.

– Но почему же я? Козлов же надо сначала захватить. У нас ведь есть на это полковник Голубь, ну этот, который в «Альфе» десять лет... У него теперь частное захватное предприятие...

– Вот-вот, вы его и организуйте. Как старший по званию.

– Ив какие сроки?

– Срочнее не бывает!

Отказать Воротилкину Потапыч не мог. Нет, генерал от Воротилкина никак не зависел и ничего ему не был должен. Но, будучи человеком военным, он привык к чинопочитанию и беспрекословному подчинению государственным авторитетам. Ну и потом, дело-то общее. У Воротилкина – дети, у Воеводина – внучка, а у Голубя – ручная коза, которую он на поводке выгуливает в заповеднике среди козлов. Заразится бешенством в одну минуту – и поминай как звали. Воеводин силился вспомнить, как собственно зовут козу Голубя. Матильда? Сильвия? Эсмеральда! В честь Квазимодо, он же говорил!

Ночью Потапыч спал плохо. Кровать из карельской березы жалобно скрипела под генералом, ворочавшимся с боку на бок. Воеводин продумывал план. Чуть забрезжил рассвет, генерал с сопением натянул треники из магазина «Мир больших людей», свистнул Полкана и отправился проводить рекогносцировку. Он решил сначала сделать осмотр с дистанции – от торгового центра «Купол'ок», где ему повстречался Стасик Подлипецкий. «Этот точно сторонник партии любителей козлов, – подумал Потапыч. – Козлит и козлит, и ходит как-то вприпрыжку».

– Так что, Патапыч, памаги! Ани меня разор'ат, кл'анусь мамой, – голос Додика вернул генерала к реальности.

– Ладно, Додик, прибедняться. Пожарник тебя разорит! Ты лучше с тотализатором завязывай! Будешь жить – кум королю, сват министру.

– Ай, я и так сват министру, армянскому! – Додик незаметно для себя перешел на безакцентное произношение.

– Ну королю пока не кум? Вот, есть к чему стремиться. Иди проследи там за порядком. Мне тут звоночек один сделать надо без свидетелей.

Додик быстро удалился, прихватив с собой бармена. Генерал проводил их глазами, а потом набрал номер полковника Голубя.

– Спишь, Голуба?

– Никак нет, товарищ генерал! Занимаюсь поддержанием формы!

– Какой формы? Ты ж у нас в гражданском ходишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.